

КУРТ ТУХОЛЬСКИЙ



[189]

ИЛ 4/2019

Стихи

Перевод с немецкого и вступление Марины Науйокс

Все мы немного Тухольские

То время между двумя мировыми войнами, которое можно назвать “германской оттепелью”, немецкая творческая интеллигенция просидела в литературных кафе.

Здесь — между сахарницей и кофейником — писались стихи, придумывались театральные постановки, делались наброски к картинам, сочинялись яркие, злободневные куплеты для многочисленных литературных кабаре. Промежуток с 1918 по 1933 гг. был особенно плодотворным для всех областей художественного творчества. Здесь возникло то, что в будущем назовут немецким авангардом.

А время было противоречивое. С одной стороны — поражение в войне, безработица, гиперинфляция. С другой — солдаты, которые воевали в первой мировой, не узнавали своих городов с двухэтажными автобусами, эскалаторами, светящейся рекламой. Они не узнавали витрин магазинов с электрическими стиральными машинами и тостерами, не узнавали и своих женщин в коротких юбках, стриженных, голосующих на выборах, овладевающих мужскими профессиями и поступающих в университеты. Они заново учились танцевать — какие-то диковинные шимми и фокстроты.

Это была эпоха новаций во всех областях жизни. И литературе потребовался новый язык и новые приемы для адекватного воспроизведения внутреннего мира современного человека и окружающей его реальности. Этот новый язык — более сухой, точный, использующий повседневную лексику и описывающий хорошо известные каждому ситуации, и лег в основу создавшегося литературного направления — “нового делового стиля”. В этой стилистике работали Б. Брехт, Л. Фейхтвангер, Г. Манн, Э. М. Ремарк и многие другие, в том числе и К. Тухольский, когда писал свои прозаические произведения.

Поэзия, возникшая в рамках “нового делового стиля” с легкой руки Брехта, получила свое особое название — “лирика для всеобщего употребления” (Gebrauchslыrik). Она характеризовалась таким же четким и понятным каждому языком, мгновенным эстетическим и этическим воздействием на читателя. Она была как кусочек сахара для альпиниста — поддерживала силы здесь и сейчас. Вытащил из кармана, проглотил — и сразу в кровь. К основным именам этого направления относится тот же Б. Брехт, Э. Кестнер, Й. Рингельнатц, М. Калеко, А. Зегерс.

Блистательным представителем “лирики для всеобщего употребления” был и Курт Тухольский. Здесь пригодились и краткость хлестких формулировок, выработанных Тухольским-журналистом, и тонкий лиризм Тухольского-поэта, и умение увидеть и передать смешное. “Лирика для всеобщего употребления” стала любимой средой обитания поэта, он царил в ней и был высоко оценен и современниками периода Веймарской республики, и нами, его потомками.

Тухольский — классик немецкой литературы, он очень много издается в Германии, о нем написаны тома исследований. Его творческая биография изучена подробнейшим образом и растиражирована как в немецком, так и в русском интернете. Казалось бы, что еще нового можно добавить к ней?

Оказывается, можно. Не так давно вышла книга Рольфа Хосфельда “Тухольский. Жить по-немецки” (Berlin: Siedler-Verlag, 2012). По мнению автора, Тухольского сильно упрощают, растаскивая по “отдельным ведомст-

вам". Кто-то определяет его по ведомству берлинских шансонов и помещает в индустрию развлечений. Кто-то чрезмерно политизирует, видя в нем не просто пацифиста, но и сторонника коммунизма, что явно не соответствует действительности. Тухольский, считает Хосфельд, был намного сложнее и разностороннее, "он был поэтом, умеющим даже с легкомысленной музой серьезно пофилософствовать". Поэтому и стихи его, убежден автор, лучше публиковать, не деля их по жанрам.

Курт Тухольский, пишет далее Хосфельд, всегда был не коммунистом, а сторонником консервативных моральных ценностей с легким левым оттенком. Именно это и сделало его нерешительным и даже несколько беспомощным перед надвигающимся фашизмом, он надеялся, что диктатура не может утвердиться в просвещенном государстве, и это мешало ему решиться на эмиграцию.

В книге Хосфельда изложен еще один, возможно, неожиданный взгляд на творческую биографию Тухольского. Хосфельд сомневается в правомерности относить писателя к той или иной литературе в зависимости от его национальности. Он не может согласиться с тем, что в Берлине делаются попытки называть Тухольского еврейским писателем, хотя сам Тухольский неоднократно подчеркивал, что он пишет по-немецки, родился в Германии и считает себя членом немецкого общества и немецким литератором. Да и к вопросам веры Тухольский не проявлял интереса, будучи убежденным атеистом. Об этом же Хосфельд говорил и в интервью 19 марта 2012 года еврейскому еженедельнику "Юдише Альгемайне".

Свое небольшое вступление я не случайно назвала так, чтобы в нем просвечивала знаменитая метафора Маяковского. Ведь когда талантливый поэт пишет о себе, это всегда немножко и о нас всех. Когда я переводила Тухольского, Маяковский как будто рядом стоял и через плечо заглядывал.

Не захочешь, а заметишь, как много похожего и в жизни, и в стихах этих двух крупных поэтов. И жили примерно в одно время, и в любви были несчастливы, в юности переболели левыми идеями, в зрелом возрасте страдали от диктатуры, подолгу бывали за границей, молодыми ушли из жизни.

И самые лучшие стихи у обоих — о любви. И рифмы оба любили неточные, как бы и не рифмы вовсе, а созвучия. И ритмика — далекая от классических образцов, так и слышен перестук "Ундервуда". И строчки легкой.

Есть что-то общее у этих поэтов, несомненно. При жизни они не встречались — ни в Берлине, ни в Париже, а могли бы. Знали, наверное, друг о друге понаслышке. Но зато потом, в самой своей последней и окончательной "эмиграции", — не могли не столкнуться и вряд ли молча прошли мимо друг друга. Встречаются сейчас, наверное, по выходным — сидят где-нибудь на облачке, читают новые стихи, пьют пиво. Да там вообще компания как на подбор. Будете в тех краях — обязательно подойдите, поздоровайтесь.